

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТАБУ И ЭВФЕМИЗМОВ В ПЕРСПЕКТИВЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ РУССКОГО И УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКОВ

Хурсанова Махфират Берди кизи

*Магистрант 2 курса Термезского государственного университета
Республика Узбекистан, Сурхандарьинская область, город Термез,
ул. Хуршида 15/2*

E-mail: m95khur@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются лингвокультурологические особенности табуированной лексики и эвфемизации речи в процессе межкультурной коммуникации русского и узбекского народов.

Ключевые слова: табу, эвфемизация, эвфемизм, лингвокультурология, этносоциальный, лингвострановедение.

Введение. В современной лингвистике вопрос о специфике лингвокультурологических аспектах языка стал одной из важнейших проблем в изучении национального кода языка, это можно подтвердить благодаря цитате Г.Алимжановой: «Язык – это многолетняя летопись бесконечных усилий человека, ведь благодаря языку мы познаем мир и себя в этом мире. Этим объясняется неразрывная связь языка и культуры, язык развивается внутри культуры и сопровождает ее. Язык одновременно является условием существования культуры, ее важной составляющей частью и продуктом человеческого общения» [1, с. 9].

Основная часть. Каждый человек принадлежит к конкретной национально-культурной среде, в которой присущи свои национальные обычаи, традиции, менталитет, язык, история, искусство, этнос, религия. Взаимосвязь и межкультурное развитие современного общества, благодаря взаимоотношению через культурные, научные и экономические контакты стран и их народов делают актуальными темы, связанные с исследованием изучением языковой культуры народов.

Лингвокультура заключается в особенностях лингвистического, смыслового, логического, этносоциального, духовного и национально-культурного потенциала языкового выражения действительности, который имеет свои особенности и различия при сопоставлении языков.

Проблема взаимодействия языка и культуры на различных языковых уровнях находится в центре внимания лингводидактики. Культурные, научные и экономические интеграции народов, живущих в многонациональном Узбекистане, с неизбежностью ставят перед лингвистами такие проблемы для исследования, как «язык и культура», «личность – язык – общество» [6, с. 84]. Рассмотрение эвфемизмов с позиции сопоставительного лингвострановедения способствует реализации цели повышения языковой и культурной компетенции, совершенствованию коммуникативных способностей и выступает одним из способов мотивации интереса к исследованию в типологическом плане совершенно разных культур и языковых особенностей по средствам менталитета того или иного народа [7, с. 47]. Любой язык выражает характер национально-культурного самосознания народа.

Языковое сознание народов очень ярко проявляется в языковом национально-культурном фонде, так как он является настоящей сокровищницей народной мудрости и зеркалом народного менталитета.

Эвфемизмы русского и узбекского языков отличаются самобытностью и образностью, где каждый из них имеет свое предназначение. В течении долгих лет, языковая мудрость оттачивается, шлифуется и обретает новую, более благозвучную форму для общения. Как уже было отмечено, чаще появлялись новые языковые особенности посредством появления новых эвфемизмов, а старые стачивались, теряли свою самобытность, заменялись новыми и зачастую переходили в ряд дисфемизмов, и даже табуировались.

Из рассмотренных нами эвфемизмов русского и узбекского языков выделяются примеры, в которых проявляются самые значимые культурные расхождения.

Языковая особенность для каждого культурного человека представляет взаимосвязь языковых явлений и внеязыковой действительности, что, прежде всего, выявляется через призму языкового осознания его национально-культурной черты.

Несколько более дифференцировано к данной проблеме подошел таджикский лингвист Мохаммед Хассен Саммани в научной работе «Семантические особенности эвфемизмов в русском языке». Он пишет, что: «при систематизации слов в совокупности эвфемизмы объединяются в различные тематические группы на основе «семантической общности». Чаще всего

определяется общее значение той или иной группы близких слов – «значение более высокого уровня» [5, с. 643].

Как было отмечено выше, вокруг любого негативного слова располагаются группы слов и сочетаний слов, организуя синонимические ряды из более благозвучных лексических единиц. Например, слово с обобщенным значением «алкоголь» может объединять совокупность заменяющих обозначений, вуалируя данное негативное наименование такими лексемами как, например: рус. *беленькая, литровка, сорокаградусная, заряд* – узб. *anavi*, (это), *dori* (лекарство, имеется обратный смысл во время похмелья), *oq* (белая), *yarimta* (пол литра), *o'tkirrogi* (остренькая), *qadah* (бокал), *qizil* (красное), *qultamisin* (огнестрельное) и др.

Не всегда возможно определить четкие грани между сферами употребления эвфемизмов. Иногда, в речевом употреблении один и тот же эвфемизм может соотноситься к двум или нескольким функционально-семантическим группам. Например, в русском языке местоимение он может употребляться в значении «Бог», «черт, леший, дьявол» и др., и также в узбекском языке местоимение u (он) может относиться к нескольким функционально-семантическим группам (*jahannam* (черт), *ba'zi hayvon* (какой-либо зверь), *gey* (гей), *fohisha* (проститутка); русский эвфемизм *клубничка* в значении «женский половой орган» относится к функционально-семантической группе, как супружеская близость, и в узбекском языке *adolat qilmoq* (совершить справедливость), *aylanishmoq* (сделать свое дело, закрутить) в значении «вступить в половую связь» и т.д.

Эвфемизмы регулярно меняют свое первоначальное отношение по факту дисфемизации речи. Так, например, эвфемизм *белочка*, употреблялся раньше только по отношению к человеку-алкоголику, имеющему привычку пить без перебоя, тем самым теряя свой разум. В последнее же время данный эвфемизм применим к женскому половому органу с татуировкой на теле. Это происходит благодаря влиянию и вмешательству различных внешних и внутренних факторов речевой среды.

В русском и узбекском языках, в процессе общения и развития культурной разговорной речи, создано огромное количество различных речевых и окказиональных эвфемизмов. Например: эвфемизмы рус. *амуры разводить* (*развести*), *быть с кем-либо, в любви быть, жить, находиться с кем-либо, жить с кем-либо, съесть запретный плод* – узб. *aylanishmoq* (сделать свое

дело, закрутить), *andoq qilmoq* (досл. ругаться или бороться, в значении половой близости), *ankar bo'lmoq* (не имеет точного перевода, употребляется в значении половых отношений), *axmoqlik qilmoq* (совершать глупость), *bag'riga bosmoq* (сжать в объятиях), *bemaza ishlar bilan shug'ullanmoq* (заниматься глупостями), *bir jismga aylanmoq* (слиться телами, слиться в едином целом) используется в речи языковых культур русского и узбекского народов вместо выражения «вступить в половые отношения».

Следует отметить тот факт, что перед исследованием семантики слова или выражения всегда необходимо разграничение тематической группы и лексико-семантической тематикой. Это относится и к классификации эвфемизмов по семантической принадлежности.

В тематических группах могут фиксироваться слова различных частей речи, и даже синтаксические конструкции, связанные с той или иной темой. Например, тема «мужчина, ведущий активную половую жизнь» объединяет слова: *непотребный*, *Дон Жуан*, *волокига*, *гулена*, *блудливый*, *имеет множество связей*; узб.: *bebosh* (безответственный), *zanakiboz* (бабник), *siyagi yo'q* (слабовольный), *qalliqboz* (обманщик), *qo'qirchoq o'ynatmoq* (играющий куклами) и др.

Мы согласимся с высказыванием Т.В.Матвеевой, которая дает лингвистическое определение для лексико-семантических групп. Она пишет, что: «Лексико-семантическая группа слов, не может распространяться на разные части речи по грамматическим признакам, а относится к одной и той же части речи, объединенной семантической эквивалентностью на основе собственно языковых критериев» [4, с. 177]. Например, к лексико-семантической группе «полный человек» относятся прилагательные (рус. *грузный*, *круглый*, *кругленький*, *солидный*, *плотный*, *гладкий*, *пышный*, *в меру упитанный*, *взбитый*, *вальжжый*, *фаршированный*, *откормленный*, *большой в обхвате*, *пухлявый*, *пышнотелый*, *пикнический*; узб. *hashamatli* (пышный) и др.), объединенных одним семантическим полем – «полный, толстый», или существительные. «муж, жена» (рус. *супруг*, *супруга*, *половинка*, *таможня*; узб. *yostiqdosh* (разделяющий одно ложе), *sohib* (властелин), *ho'jayin* (хозяин), *beka* (хозяйка *gul* (цветок), *dildor*, *yo'ldosh* (спутница), *zan* (жена), *xonim* (госпожа)) и. т.п., т.е. на основе внеязыковых параметров.

Таким образом, в данной работе была предпринята попытка выявить специфику тематической особенности, функционально-семантической

определенности и лексико-семантической принадлежности эвфемизмов, которые широко распространяемы в русском и узбекском языках в целях завуалировать и изменить в процессе общения контекст вульгарной, нетактичной и неприятной для общения лексики.

В русском языке синтаксические конструкции «нашел себе вечный покой», «отправился к праотцам», «встретился с Всевышним», «на веки закрыл глаза», «сыграл в ящик» являются эвфемизмами для слова «умер», и также обладают абстрактным значением, вуалированным прямым обозначением «умер». Тот же процесс наблюдается и в узбекском языке по отношению к сочетаниям *abadiylikka bosh qoʻymoq* (поклониться вечности), *bir yuproq uzilmoq* (оторвать последний лист), *boʻqiy dunyoga bormoq* (уйти в вечный мир), *kelmas safarga ketmoq* (отправиться в путешествие, с которого не возвращаются), *uziga oq choʻyshab yopmoq* (покрыть лицо белой простыней) и др., где прямой целью является завуалировать слово *oʻlmoq* (умереть).

Тот же процесс можно проанализировать и на другом примере, имеющем уже гендерную особенность применения эвфемизмов, например для обозначения женщины легкого поведения: рус. *древнейшая профессия, известная профессия, интим-сервис, интим-услуги, интимные услуги, свободная любовь* – узб. *asl mato* (оригинальная, не как все), *anandaqa* (она такая, в значении «продажная»), *badanfurus* (продающая свое тело), *bebosh ayol* (женщина без предрассудков), *bejo yuradigan* (легкомысленная), *yengil tabiatli* (беззаботная, легкого поведения), *yomon boʻlib ketmoq* (испорченная), *yomon yoʻlga kirmoq* (сбившаяся с пути), *yomon хотин* (плохая жена), *yomon qiz* (плохая девушка), *mayda qadam* (досл. мелкий шаг, в значении «легкомысленная»), *mayiz yetagan maniqayol* (известная женщина), *manasini sotadigan* (продающая свое тело), произносимое вне контекста, точно не называет, о ком идет речь (проститутка, продажная женщина).

В первой главе, мы рассмотрели две категории семантических значений денотата. Определили вид положительной и отрицательно коннотации на примерах эвфемизмов русского и узбекского языков. Обе категории значения синонимической сочетаемости слов и словосочетаний, показали то, что действительно взаимосвязь денотата и коннотации соблюдается при применении для облагораживания речи эвфемизацию языка. Тема самым, можно сделать вывод, что применение в речи эвфемизмов, является

семантическим основанием для многочисленных актуальных решений благозвучия речи, и ее национально-культурных особенностей.

Для раскрытия национально-культурной особенности эвфемизации речи, мы выделим денотативный, сигнификативный и коннотативный компоненты. Отправной точкой для раскрытия национально-культурных особенностей эвфемизмов русского и узбекского языков нам послужили определения понятий С.А.Кузнецова и Т.В.Матвеевой.

Наиболее распространенным является определение С.А.Кузнецова для термина «сигнифика». Он пишет, что «Сигнификативный компонент значения или сигнификат, как понятийное содержание языкового знака; обозначение, а именно все смысловая совокупность свойств денотата» [3, с. 1183].

Т.В.Матвеева в своих научных трудах пишет, что: «Денотативный компонент семантического понятия или денотат основывается на предметной отнесенности лексического значения слова в языкознании» [4, с. 85], т.е. предмет, обозначаемый знаком безотносительно к его отличительным свойствам.

О.С.Ахманова определяет коннотативную характеристику, так как данный компонент, имеет прямое отношение к денотату и сигнификативному значению слова. Подтверждая свое мнение, ученая пишет, что «Коннотация – это дополнительное семантическое или стилистическое значение основного денотата, т.е. первоначального значения слова или словосочетания. Но, проявляется экспрессивным содержанием значения, так как выражает эмоции говорящего, его эмоциональное состояние во время коммуникации, а также придает высказыванию торжественность, фамильярность, игривость, непринужденность и т.п.» [2, с. 203.].

Мы не совсем согласны с мнением ученого Таджикистана М.Х.Саммани, что «Коннотацией обладают не все лексические единицы, а только стилистически окрашенные слова, и что в роли эвфемизма могут выступать слова только с положительным оценочным компонентом значения» [5, с. 643-649].

Исследовав работу Е.А.Саттаровой, мы нашли там другое определение, что: «Эвфемистической коннотации подлежат слова, денотат которого можно передать как положительной коннотацией, так и отрицательной коннотацией. В свою очередь, в процессе развития языка, отрицательная коннотация может переходить в дисфемизм, или даже в табу» [9, с. 42].

Каждый эвфемизм содержит информацию о положительном, деликатном обращении в речевой коммуникации, этот процесс обязателен, так как благодаря эвфемизму, речь приобретает положительную коннотацию, не вызывая у собеседников дискомфорт, смущение и негативную обстановку. Приведем пример, для подтверждения нашей альтернативы: рус. *булавка в голове, в градусе, в нетрезвом виде, в нетрезвом состоянии, в подпитии, в состоянии алкогольного опьянения, в хмельном виде, веселенький, веселый, бахический, лицо в нетрезвом состоянии, под газом, под градусом, под мухой, под парами, поддамый, подогретый, под градусом, под мухой (пьяный)* [8] – узб. *karaxt bo 'lmoq* (онеметь), *kaufoshmoq* (опьянеть), *laqillab qolmoq, bir pasda laqillab qoldi* (начать много говорить), *me 'yoridan oshmoq* (превысить норму), *g 'isht bo 'lib qolmoq* (досл. стать кирпичом) – вместо *mast bo 'lmoq* (быть пьяным) [9] и т. п.

В культурной среде, эвфемизм служит для создания положительных эмоций. Особенно данный процесс необходим при коммуникации, когда в общении люди могут поддержать собеседника, например, в случае смерти близкого человека, болезни, при обращении к человеку с физическими недостатками. Часто к подобной вуалированной речи прибегают медицинские работники, чтобы смягчить неприятную новость при сообщении пациенту о его болезни. Например: рус. Нам необходимо сообщить Вам о том, что у вас положительный тест на болезнь, приобретенную половым путем. Тем самым заменяя негативное сообщение о том, что пациент заражен СПИДом. В узбекском языке также, врачами применяется положительная коннотация при сообщении подобной болезни, наприме, *Bizning testimiz shuni ko 'rsatdiki, siz jinsiy yo 'l bilan yuqadigan kasalligiga ijobiy munosabatda bo 'lasiz* вместо *siz OITS bilan kasallangansiz* (Вы заразились СПИДом). Или, заменяя сообщение о том, что пациенту необходимо срочно провести операцию, врач сообщает более мягко, заменяя эвфемизмом «*Вам требуется хирургическое вмешательство*» – узб. *Jarrohlik zarur* вместо *sizga operatsiya kerak* (Вам необходима хирургическая операция). В случае смерти пациента, врачи также прибегают к смягчающей речи при сообщении о «*летальном исходе*», или что «*врачи сделали все, что могли*». В узбекском языке тоже прослеживается ряд эвфемизированной речи врачей, наприме, узб. *joni chiqdi* (душа покинула), *oramizdan yo 'qoldi* (ушел от нас), *taslim bo 'ldi* (сдался смерти) и т.д.

В первом примере, не наблюдается речевой разницы по случаю употребления эвфемистического выражения в обоих исследуемых языках, но во втором случае все же наблюдается разница при сообщении новости о смерти пациента. Здесь прослеживается национально-культурная особенность, свойственная менталитету узбекского народа, где проявляются свойственные религиозные и светские оттенки для адресатов и адресантов в речи узбеков.

Заключение. Таким образом, возрастание интереса к лингвокультурологическим особенностям актуализирует такие проблемы, как язык и культура, основы развития этнокультурной и билингвальной личности, социокультурные нормы речевого поведения в условиях межъязыкового общения. В этих условиях следует уделять внимание национальной специфике речевого этикета и речевого поведения.

Список использованной литературы

1. Алимжанова Г.М. Сопоставительная лингвокультурология: сущность, принципы, единицы: автореф. дисс. ... к. филол. н. – Казахстан, 2010. – 27 с.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. Энциклопедия, 1969. – 608 с.
3. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с. – ISBN 5-7711-0015-3.
4. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. – Ростов Н/Д., 2010.
5. Саммани М. Х. Семантические особенности эвфемизмов в русском языке // Молодой ученый. – 2014. – №6. – С. 643-649.
6. Саттарова Е.А. (2023). Лингвокультурные Особенности При Сопоставлении Лексико-Семантической Группы Эвфемизмов Деликатной Темы В Русском И Узбекском Языках. International Journal of Formal Education, 2(10), 83–90. Retrieved from <http://journals.academiczone.net/index.php/ijfe/article/view/1325>
7. Саттарова, Е. (2023). Некоторые особенности способов образования эвфемизмов в русском и узбекском языках. Традиции и инновации в исследовании и преподавании языков, 1(1), 46–52. извлечено от <https://inlibrary.uz/index.php/traditions-innovations-language/article/view/26352>
8. Сеничкина Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 464 с.

9. Sattarova Yelena 2023. DESCRIPTION OF THE STATUS OF PROFESSIONALISMS IN THE PROCESS OF COMMUNICATION AND FEATURES OF ITS FUNCTIONING. *International Conference on Social and Humanitarian Research*. (Jun. 2023), 41–43.
10. Khanova, D. B. (2023). Background Vocabulary of the Russian Language. *European Science Methodical Journal*, 1(2), 8-11.
11. Nazinovich, S. D. (2023). Creativity of Abdulla Aripov. *European Journal of Pedagogical Initiatives and Educational Practices*, 1(2), 102-105.
12. Ханова, Д. Б. (2023). ФОНОВАЯ ЛЕКСИКА РУССКОГО ЯЗЫКА. *Экономика и социум*, (5-2 (108)), 1189-1192.
13. Акабиров, Г. С. (2023). НАИМЕНОВАНИЕ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ. *Экономика и социум*, (5-2 (108)), 549-552.
14. UMIDA T. Characteristics, Methods and Challenges of Translating Law Terminology // *JournalNX*. – Т. 6. – №. 11. – С. 312-316.
15. Абдиназаров, У. (2023). INGLIZ VA O 'ZBEK TILLARIDA GIPPOLOGIK TERMINLARNING LINGVISTIK TADQIQI. ИЖТИМОЙ-гуманитар фанларнинг долзарб муаммолари/Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук/Actual Problems of Humanities and Social Sciences., 3(9).
16. То'rayeva, U. (2023). TERMINLAR TARJIMASINING NAZARIY VA AMALIY ASOSLARI. *Scientific journal of the Fergana State University*, (4), 64-64.